

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Липецкого государственного технического университета*, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ**. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. трех монографий

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X>

ПОВСЕДНЕВНАЯ МИФОЛОГИЯ: ФЕНОМЕН ЖЕРТВЫ В НАРРАТИВАХ О СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ¹

В статье рассматриваются нарративные интервью жителей Липецкой области, посвященные семейной памяти, на предмет наличия в них мифологизированных фрагментов, элементов повседневной мифологии. Даются определения понятия «повседневность» как базовой формы существования социального и понятия «семейная память» как пространства, охватывающего все сферы повседневности (труд, быт и досуг). Цель статьи заключается в обнаружении в рассказах респондентов историй, связанных с феноменом жертвы, и определении значимости таких историй для семейной памяти. Пространство семейной памяти понимается как объективируемое в нарративах, которые обладают определенной структурой, содержат конструктивные и деструктивные элементы и могут быть классифицированы в зависимости от представленности в рассказах ключевых феноменов. Одним из таких феноменов выступает жертва. Жертву автор считает одним из важнейших компонентов системы социальной мифологии и относит к «мифоконтентным феноменам», обозначающим проявления социальной мифологии в жизни общества, факты общественной жизни, содержащие мифологическое наполнение. Присутствие фигуры жертвы в семейных историях свидетельствует об экспликации повседневной мифологии во все основные сферы повседневности. Явное или латентное упоминание о жертве в семейных историях рассматривается как своеобразный аттрактор и генератор мифологических структур, как специфический фрагмент нарратива. Наличие феномена жертвы в нарративах

---

¹Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований 18-411-480001 «Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики».

*Адрес: 398600, г. Липецк, ул. Московская, д. 30;

**Адрес: 398050, г. Липецк, ул. Интернациональная, д. 3; e-mail: agivanov2@yandex.ru

Для цитирования: Иванов А.Г. Повседневная мифология: феномен жертвы в нарративах о семейной памяти // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 1. С. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.80

о семейной памяти дает возможность для выстраивания типологии рассказов об истории семьи: соответствующие нарративы могут принадлежать к типу «рассказ, содержащий мифологизированные фрагменты». Кроме того, в работе делается вывод о тесной связи индивидуально-семейных историй с более широким контекстом – коллективной и национальной памятью.

Ключевые слова: феномен жертвы, повседневность, нарративное интервью, повседневная мифология, история семьи, семейная память.

В течение 2018 года в Липецкой области в ходе сбора рассказов (нарративов) о семейных историях у респондентов было проведено более 50 нарративных интервью. Так как интерес представляла семейная историческая память, то интервьюируемыми являлись люди разных поколений, с разным уровнем образования, как сельские, так и городские жители. Количество интервьюируемых семей было сравнительно небольшим – около 50, что определялось форматом задачи: записать серию интервью. В качестве методологического инструментария использовалось нарративное (глубинное) интервью, когда респондентам предлагалось рассказывать историю своей семьи максимально долго и лишь по завершении рассказа задавались дополнительные, уточняющие нарративный импульс вопросы. Полученный материал позволил сделать ряд выводов, в частности о явлении повседневной мифологии, а также послужил отправной точкой для теоретизирования относительно феномена жертвы.

В центре статьи находятся мифологизированные фрагменты повествований, охватывающие пространство повседневной мифологии: прежде всего такой элемент повседневной мифологии семейной памяти, как феномен жертвы. Уточняющими нарративный импульс вопросами, позволяющими прояснить место и роль мифологизированных аспектов в истории семьи, были следующие: могли бы вы подробнее рассказать о каких-либо легендах, легендарных историях, чудесах, связанных с вашей семьей и вашим родом? (этот вопрос проверял уровень мифологизации тех или иных семейных знаний; важно было понять, насколько эмоционально респондент будет говорить об

этом или вообще говорить не будет); что бы вы могли сказать о наиболее важных и значимых событиях истории вашей семьи? с кем они в большей мере связаны? что бы вы могли рассказать об этих людях? (этот вопрос проверял особенности интерпретации сакральных и наиболее важных событий, структурирующих семейную память).

Одна из частных задач исследования состояла в выяснении того, является ли присутствие фигуры жертвы в рассказах об истории семьи своеобразным аттрактором и генератором мифологических структур и фрагментов нарратива.

В целом в поле зрения рассказчиков находилась повседневная жизнь (повседневность) как пространство развертывания в т. ч. и семейной памяти со всеми повседневными мифологиями, охватывающими совокупность основных сфер повседневности – быта, труда и досуга.

Повседневность. Повседневность является важнейшей частью социальной реальности, определенной целостностью духовного и материального, условием полноценной общественной жизни. Вместе с тем повседневность, по мнению И.П. Поляковой, «есть внутренний жизненный мир человека, объективируемый вовне. Она реализуется через трудовую деятельность, быт, досуг личности, демонстрируя личные пристрастия, способности и интересы» [1, с. 7]. Далее исследователь отмечает, что повседневности присущ двойственный характер: «...с одной стороны, повседневность воплощает индивидуальную волю личности и отражает ее специфические характеристики, но, с другой стороны, она является и порождением общества во всем многообразии его проявле-

ний» [1, с. 86]. Интерес представляет и точка зрения О.А. Радугиной о повседневности как сфере микросоциальных отношений личности, где осуществляются поддержание и воспроизводство жизни как отдельного человека, так и общества в целом [2].

Таким образом, следует подчеркнуть, что повседневность оказывается не только жизнью отдельно взятого индивида, но и сферой развертывания, некой базовой формой существования социального как такового.

Современная повседневная жизнь – динамичное явление, требующее постоянного внимания. Повседневность – это пространство, где обнаруживаются важные идеи и социальные практики, где мифы наполняются новым смыслом, который в большей степени соответствует требованиям современности, где совмещаются традиции и новшества.

Так, в известном своим эклектизмом искусстве постмодернизма имеет место трепетное отношение к тому или иному фрагменту повседневности. Не принципиально при этом, относится ли явление или предмет к быту, труду или досугу, оно вполне может быть использовано в таких постмодернистских акциях, как перформанс, хеппенинг и т. п. В свою очередь, указанные практики, заимствуя что-то из повседневной жизни, выступают генераторами новых смысловых коннотаций. Вместе с тем в таком калейдоскопе и смешении привычных форм существует целый ряд опасностей и вызовов, которые связаны прежде всего с утратой целостного представления об объективной реальности, утратой традиционных ценностей.

Однако существуют явления, выступающие определенными маркерами, стабилизирующими повседневность, прежде всего – как для каждого человека индивидуально, так и для социальных групп в целом – это пространство семейной памяти.

Семейная память. Семейная (семейно-родовая) память является ключевым транслятором традиционных ценностей, и пространство семейной памяти, безусловно, охватывает все сферы повседневности. Это, собственно, и под-

твердилось в процессе проведения нарративных интервью, когда респонденты не обходили стороной ни одну из сфер повседневности, рассказывая об истории своих семей.

В то же время семейная память, как и повседневная жизнь, оказывается тесно связанной с более широким контекстом – в данном случае с памятью исторической, на что указывает А.Н. Алексеев: «Семейная память в значительной мере непосредственна, в отличие от исторической памяти, которая многократно опосредована – как всей совокупностью исторических источников и наслаивающихся друг на друга интерпретаций, так и, в особенности, актуальными общественными представлениями (“господствующими мыслями эпохи”, пользуясь выражением К. Маркса). Историческая память человека может включать в себя и семейную, как существенное олицетворение первой. Семейная память всегда пересекается, как-то переплетается с исторической, поскольку не существует истории семьи вне истории общества» [3, с. 49].

Известный исследователь семейной памяти Л.Ю. Логунова использует термин «семейно-родовая память», где связываются, согласуются индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти. Семейно-родовая память «сглаживает разрыв между исторической памятью общности и памятью человека, выравнивая противоречия личностного и общественного нейтрально-родовым, основанным на родственных чувствах, наполняющих событийность прошлого и настоящего особым личностно-значимым смыслом. Совокупность и дифференциация этих смыслов наполняют содержанием коллективные переживания, являющиеся основой для исторической памяти» [4, с. 69]. По мнению Л.Ю. Логуновой, семейно-родовая память оперирует конструктивными и деструктивными конструктами. К конструктивным конструктам относятся такие, например, как анализ событий прошлого, основанный на чувствах любви и прощения, необходимых для построения событийной канвы будущего; к деструктивным – вера в предопределенность,

попытка волевым решением исправить несовершенство мира. Эти конструкты «определяют позиции современников, оценивающих свое актуальное настоящее. Первый конструкт снимает груз “ошибок прошлого”, открывает горизонты для выбора жизненных перспектив, второй – загоняет человека в матрицу бесконечного воспроизводства семейных сценариев, передаваемых потомкам в качестве модальных неосознаваемых жизненных тактик» [4, с. 74].

Таким образом, Л.Ю. Логунова, выделяя в семейной памяти конструктивные и деструктивные аспекты, фактически начинает разговор о структуре семейной памяти. Мы предлагаем подойти к семейной памяти несколько иначе: попытаться обнаружить мифологизированные аспекты (фрагменты) повседневности и далее сконцентрироваться на феномене жертвы с выстраиваемой вокруг нее мифологией.

От деструктивного конструкта, кажется, отталкивается П. Томпсон, когда приводит примеры моделей поведения людей, зачастую отличающихся фатальной предопределенностью, и делает вывод, что семейные истории представляют собой «символический капитал для обмена между поколениями, для передачи семейной традиции. Они могут преследовать людей, или служить источником вдохновения, или просто считаться чем-то само собой разумеющимся» [5, с. 144].

О содержании семейной памяти мы можем узнать в первую очередь из рассказов, представляющих собой нарративы с многочисленными эпизодами, которым уделяется особенное внимание, с паузами, занимаемыми перелистыванием фотографий, возможно, дневниковых записей.

Так, на основании анализа нарративных интервью, собранных в ходе многочисленных исследовательских проектов, немецкий социолог Ф. Шутце [6] выделил четыре биографических процесса, имеющих особенности секвенциальности и социолингвистических построений: биография как траектория идентификации; биография как стратегия; биография как институциональная карьера; биография как превращение.

Мы полагаем, что существует возможность и для типологии рассказов об истории семьи. Одним из критериев для классификации могут выступать, так сказать, доля и место сакрально-мифологического содержания в нарративах о семейной памяти. Допуская возможность не только присутствия мифологизированных аспектов в нарративах о семейной памяти, в семейных историях, но и известного влияния такого рода аспектов на историю семьи в целом, мы тем самым исходим и из того, что существует своеобразная мифология семейной памяти. Причем такая мифология буквально вплетена в повседневность, составляет каркас повседневной мифологии.

Своеобразными индикаторами сакрально-мифологического содержания или мифологизированных фрагментов в нарративах о семейной памяти выступают такие феномены, как герой, жертва. Как герой, а точнее мифологема героя, занимает ключевое место в структуре социального мифа, делая бесполезными процессы демифологизации [7], так и фигура жертвы сопровождает многие рассказы о семейной памяти, открывая пространство для развертывания повседневной мифологии семейной памяти.

Жертва в нарративах о семейной памяти. В целом проблема связи жертвы с нарративом, повествовательным сюжетом мало разработана в научных теориях: «...нарративная форма используется некоторыми теоретиками жертвенного обряда (Фрейдом, Жираром), но не становится у них предметом специальной рефлексии; между тем этот обряд или опыт, как, возможно, и любой другой, обладает действенной силой лишь будучи рассказан – или как минимум будучи наделен особой темпоральной и логической структурой, предрасполагающей его к повествовательному изложению» [8, с. 249].

В существующих трех основных теориях жертвоприношения – коммуникативной, компенсаторной, транссубстанциальной – жертва выступает в качестве предельной формы сакрального, что, безусловно, позволяет отнести феномен жертвы к порядку мифологического.

Кроме того, мы считаем жертву одним из мифоконтентных феноменов («мифоконтентный феномен» – это «проявления социальной мифологии в жизни общества, факты общественной жизни, содержащие мифологическое наполнение в определенной мере» [9, с. 35]) онтологической части системы социальной мифологии, продуктом мифологических представлений о причинно-следственной связи.

Но является ли жертва неким явным выходом за рамки повседневности и при этом демонстрацией реализации определенной – конструктивной или деструктивной – функции повседневной мифологии?

Рассмотрим, как может быть представлен феномен жертвы в нарративах о семейной памяти на примерах из трех основных сфер повседневности (досуга, труда, быта), что были упомянуты респондентами в своих семейных историях. Это даст нам возможность увидеть, что может считаться жертвой сегодня, а также степень мифологизированности соответствующих историй.

Рассказывая о досуге как части повседневных практик, респонденты отмечали, в частности, традиции просмотров художественных фильмов всей семьей, в т. ч. относящихся к хоррор-кинематографу. Так, в американских фильмах ужасов, «выполняя консолидирующие для коллектива функции, именно жертва становится священным существом, а ее гибель символизирует процедуру очищения социума от элементов деструктивности и агрессии» [10, с. 373]. Кроме того, «жертва считается ответственной за беды общества – так оно и происходит и в мифах, и в коллективных гонениях, но именно в мифах – и только в мифах – эта же самая жертва восстанавливает, символизирует и даже воплощает порядок» [11, с. 76]. Это приводит к предположению, что из досуговой деятельности достаточно запоминающимися оказываются семейные просмотры «экранных жертв». В таких случаях жертва выполняет консолидирующие функции, разработанные в компенсаторной концепции В. Буркерта [12].

При разговоре о работе как разновидности повседневных практик упоминались, например, случаи, когда член семьи не вписывался в трудовой коллектив и сталкивался с тем, что принято называть моббингом. «В офисах, где проходит большая часть жизни взрослых людей, также действуют жесткие неписанные правила, и порой тот, кто “не вписался в коллектив” (выпадает из сложившейся структуры доминирования – подчинения), может подвергнуться настоящей травле. <...> “Моббинг” – целенаправленное и продолжительное враждебное поведение нескольких особей, направленное против избранной ими жертвы» [13, с. 63].

Гораздо чаще отмечались ситуации, когда члену семьи приходилось бросать работу и полностью концентрироваться на бытовых функциях, фактически принося свою карьеру в жертву. И именно такого рода ситуации оказывали существенное влияние на ход семейной истории, прежде всего потому, что выступали в качестве ориентира или примера для подражания для последующих поколений. Такого рода ориентиры довольно примечательны. Так, раскрывая процесс передачи семейной традиции от одного поколения к другому посредством детального анализа собранной информации, П. Томпсон выделил два подхода: 1) попытка выяснить, какие аспекты материального и культурного капитала семьи могут передаваться по наследству и каким образом это происходит; 2) исследовать каждую семью как систему переплетающихся в нескольких поколениях социальных и эмоциональных отношений (особенное влияние на этот подход оказала теория семейных систем – «family systems theory») [5, с. 121–131].

Отдельного внимания заслуживает включенность семейных историй в общенациональный контекст с соответствующими жертвами. Довольно часто наряду с самыми распространенными внешними обстоятельствами, повлиявшими на историю семьи (событиями Великой Отечественной войны), необратимое влияние на судьбы семей опрошенных жителей региона оказывали случаи политических репрессий:

практически каждый второй респондент упоминал ситуации, когда близкий или дальний родственник, коллега по работе или друг семьи был репрессирован, став жертвой Большого террора. Здесь мы видим тесное взаимопереплетение семейных и национальных историй. Вообще тема связи индивидуально-семейного и общественного в последнее время все чаще оказывается в поле зрения исследователей памяти (в т. ч. и на прошедшей в июне 2019 года в Мадриде III Международной конференции Ассоциации исследователей памяти). В недавнем интервью один из ведущих ученых, специализирующихся на изучении памяти, Дж. К. Олик, вспоминая работы М. Хальбвакса, отмечал следующее: «...память, даже если она кажется наиболее приватной и индивидуальной вещью, в действительности всегда носит социальный характер. Мы как индивиды не можем вспоминать без социальные рамки памяти, поскольку вспоминаем социальные объекты как социальные существа, живущие в социальном контексте» [14, с. 13].

Кроме того, возвращаясь к феномену жертвы, заметим, что, по мнению Б. Лампера, жертвенные акты – демонстративные насилия и убийства, от жестоких игр в учебных заведениях и вплоть до фактов геноцида в истории последних десятилетий – всегда имеют политическое содержание, посредством них себя утверждает власть, а остальные люди подчиняются ее замыслу, выступая не как критические свидетели, а как замороженные или даже ликующие зрители – сознательные или бессознательные соучастники чудовищных деяний [15]. В любом случае вне более широкого – общественного, национального – контекста воспоминания все семейные истории оказываются в каком-то смысле изолированными и неполно-

ценными. К тому же феномен жертвы обретает дополнительный социально-политический смысл, будучи включенным в историю целой страны, став частью чего-то возвышенного.

В целом следует заключить, что анализ собранных нарративных интервью, посвященных историям семей респондентов, показал, что упоминание о герое или жертве, безусловно, открывает пространство для мифологизированных фрагментов повествований, как бы притягивает миф, формируя истории, понимание которых возможно при условии владения навыками интерпретации специфики мифологического. Вокруг фигуры жертвы разворачивается целый комплекс представлений, в основе своей мифологического содержания: ей приписываются сакральные свойства, она окружается символическими событиями, ей придается судьбоносное значение. Фигурирование жертвы в канве повествования о семейной памяти прямо и буквально указывает на особое, во многом мифологизированные фрагменты нарратива, давая возможность для классификации и отнесения всего рассказа к соответствующему типу с условным названием «рассказ, содержащий мифологизированные фрагменты». Более того, сам рассказ приобретает дополнительную глубину, становясь при этом преимущественно трагическим и даже деструктивным, но парадоксально то, что вместе с тем жертва (как, впрочем, и герой) выступает в качестве своеобразного маркера или индикатора, структурирующего повседневную мифологию в некотором смысле. Ну и, конечно, сама фигура жертвы имеет особое значение для семейной памяти: свидетельствует о выходе за рамки повседневности, наглядно демонстрирует, насколько тесной бывает связь между индивидуальной и коллективной памятью.

Список литературы

1. Полякова И.П. Социально-философское понимание повседневности. Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 138 с.
2. Радугина О.А. Повседневность как сфера микросоциальных отношений жизни личности // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер.: Соц.-гуманит. науки. 2015. Вып. 1(5). С. 55–60.

3. Алексеев А. Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие) // Телескоп: журн. социол. и маркетинговых исслед. 2008. № 5. С. 49–50.
4. Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 69–75.
5. Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / сост. и пер. с англ. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2003. С. 110–145.
6. Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. Vol. 13, № 3. S. 283–293.
7. Иванов А.Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2019. № 441. С. 80–88. DOI: 10.17223/15617793/441/11
8. Зенкин С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2014. 537 с.
9. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб.: Алетейя, 2019. 182 с.
10. Некита А.Г. Экранные жертвоприношения: архаический миф и голливудская хоррор-реанимация массовой культуры // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 28, вып. 4. С. 371–377.
11. Жирар Р. Козел отпущения / пер. с фр. Г. Дашевского. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
12. Burkert W. Homo Necans. The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth. Berkley; Los Angeles; London: The University of California Press, 1983. 335 p.
13. Майленова Ф.Г. Моббинг: насилие и аппарат власти в офисе // Филос. науки. 2008. № 6. С. 63–68.
14. Олик Дж.К. «Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Ист. экспертиза. 2018. № 4(17). С. 11–21.
15. Lempert B. Critique de la pensée sacrificielle. Paris: Seuil, 2000. 240 p.

References

1. Polyakova I.P. *Sotsial'no-filosofskoe ponimanie povsednevnosti* [Socio-Philosophical Understanding of Everyday Life]. Lipetsk, 2009. 138 p.
2. Radugina O.A. Povsednevnost' kak sfera mikrosotsial'nykh otnosheniy zhizni lichnosti [Everyday Life as a Sphere of Microsocial Relations in a Person's Life]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Ser.: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, 2015, no. 1, pp. 55–60.
3. Alekseev A. Pamyat' semeynaya i istoricheskaya: tochki peresecheniya i razryvy (gipoteza o vliyaniy semeynoy pamyati na mirovospriyatie) [Family Memory and Historical Memory: Intersection Points and Gaps (a Hypothesis About the Influence of Family Memory on One's Worldview)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2008, no. 5, pp. 49–50.
4. Logunova L.Yu. Semeyno-rodovaya pamyat': vremennye ipostasi i sotsial'nye resursy [Family-Patrimonial Social Memory: Temporal Subsistence and Social Resources]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 379, pp. 69–75.
5. Thompson P. Semeynyy mif, modeli povedeniya i sud'ba cheloveka [Family Myth, Models and a Person's Destiny]. Loskutova M.V. (comp.). *Khrestomatiya po ustnoy istorii* [Selected Passages on Oral History]. St. Petersburg, 2003, pp. 110–145.
6. Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview. *Neue Praxis*, 1983, vol. 13, no. 3, pp. 283–293.
7. Ivanov A.G. Mifologema geroya v strukture sotsial'nogo mifa [The Hero Mythologeme in the Structure of the Social Myth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 441, pp. 80–88. DOI: 10.17223/15617793/441/11
8. Zenkin S.N. *Nebozhestvennoe sakral'noe: Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [The Non-Divine Sacred: Theory and Literary Practice]. Moscow, 2014. 537 p.
9. Ivanov A.G. *Sistema sovremennoy sotsial'noy mifologii* [The System of Contemporary Social Mythology]. St. Petersburg, 2019. 182 p.
10. Nekita A.G. Ekrannye zhertvoprinosheniya: arkhaischeskiy mif i gollivudskaya khorrer-reanimatsiya massovoy kul'tury [Screen Victims: Archaic Myth and the Hollywood Horror-Reanimation of Mass Culture]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 371–377.
11. Girard R. *Le Bouc émissaire*. Paris, 1982. 313 p. (Russ. ed.: Zhirar R. *Kozel otpushcheniya*. St. Petersburg, 2010. 336 p.).
12. Burkert W. *Homo Necans. The Anthropology of Ancient Greek Sacrificial Ritual and Myth*. Berkley, 1983. 335 p.

13. Maylenova F.G. Mobbing: Violence and Power Institutions in Offices. *Russ. J. Philos. Sci.*, 2008, no. 6, pp. 63–68 (in Russ.).

14. Olick J.K. “Pamyat’ – eto ne veshch’ i ne predmet. Pamyat’ – eto nepreryvnyy protsess”. Interv’yu s Dzh. K. Olikom [“Memory Is Not a Thing, It Is Not an Object. Memory Is an Ongoing Process”. An Interview with J.K. Olick]. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, no. 4, pp. 11–21.

15. Lempert B. *Critique de la pensée sacrificielle*. Paris, 2000. 240 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.

Andrey G. Ivanov

Lipetsk State Technical University;
ul. Moskovskaya 30, Lipetsk, 398600, Russian Federation;
Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
ul. Internatsional’naya 3, Lipetsk, 398050, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1136-251X> e-mail: agivanov2@yandex.ru

EVERYDAY MYTHOLOGY: THE SACRIFICE PHENOMENON IN THE NARRATIVES OF FAMILY MEMORY

This article studies the narrative interviews of residents of the Lipetsk Region dealing with family memory to see whether they contain any mythological fragments or elements of everyday mythology. Definitions are given of the concept *everyday life* as the basic form of social existence and the concept *family memory* as a space covering all spheres of everyday life (household, labour and leisure). The purpose of the article is to find in the narratives of respondents the stories related to the phenomenon of sacrifice and to determine the significance of such stories for family memory. The space of family memory is understood here as an object of narratives that have a certain structure, contain constructive and destructive elements and can be classified depending on the representation of key phenomena in the stories. One such phenomenon is the sacrifice. The author believes the sacrifice to be one of the most important components of the system of social mythology and refers it to the “myth-content phenomena”, which are the manifestations of social mythology in the life of society, myth-containing facts of social life. The presence of a sacrifice figure, a victim, in family stories indicates a penetration of everyday mythology into all main spheres of everyday life. Explicit or latent mentions of the victim in family stories are considered as a kind of attractor and generator of mythological structures, as a specific fragment of the narrative. The existence of the phenomenon of sacrifice in the narratives of family memory makes it possible to develop a typology of stories about family history: such narratives can fall into the category “a story containing mythologized fragments”. In addition, a conclusion is made that stories of individual families are closely related to a broader context: collective and national memory.

Keywords: *sacrifice phenomenon, everyday life, narrative interview, everyday mythology, family history, family memory.*

Поступила: 14.08.2019

Принята: 15.11.2019

Received: 14 August 2019

Accepted: 15 November 2019

For citation: Ivanov A.G. Everyday Mythology: The Sacrifice Phenomenon in the Narratives of Family Memory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 1, pp. 80–87. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.80